

НЕЖДАННЫЙ, СПРЯТАННЫЙ (ТАЙНЫЙ) СЫН

Аннотация. В работе исследуется один из аспектов календарного мифа, – семантика вставного времени. Показано, что в некоторых традициях (буряты, коми, обские угры и др.) вставной месяц в календарях, функция которого – упорядочение счета и учета времени – соотносится с образом тайного, (спрятанного) и неожиданного сына. Выявлено различие семантики деяний Спасителя и героев, призванных спасти свой народ с наступлением конца света в эпохах народов Евразии.

Ключевые слова: экология, календари народов Урала и Сибири, вставной месяц, семантика, тайный сын, Спаситель.

Фреска «Тайная вечеря», изображает 12 апостолов, сидящих справа и слева от Спасителя. Это число, для людей, выросших под невидимым, но весьма ощутимым влиянием григорианского календаря, кажется естественным, и не вызывает особых вопросов. Подобное числовое соотношение встречается и в других контекстах, например, в Одиссее (песня 9, стк.195): «Спутникам верным моим повелел я остаться на берегу, близ корабля и его сторожить неусыпно; с собой же взявши двенадцать надежных и самых отважных, пошел я», – то есть фактически Одиссей (1) плюс спутники (12), итого 13. При этом число образов на фреске (13), вполне соотносится с древними календарными практиками. Действительно, параметры обращения основных небесных светил, Луны и Солнца, не дают возможности полного совмещения лунных и солнечных календарей. Если вести учет времени по сидерическим (27, 3 суток) лунным месяцам, то в пределах годового солнечного цикла окажутся 13 месяцев и около 10 суток. При среднем значении синодического лунного месяца, – 29, 53 суток, это составит 12 месяцев и около 11 суток. С этой целью известно использование вставных месяцев. Использование вставных месяцев было известно в календарях древнейших развитых речных цивилизаций, – Междуречья, Египта, Китая, как минимум с 2–3 тыс. до н.э. В их основе лежал 12 месячный год (12х30), с периодически вставляемым 13 месяцем. Продолжительность такого месяца и периодичность его вставки могла быть разной [1, с. 19; 2, с. 257–258]. В народных (традиционных) календарях Сибири и Дальнего Востока, так же было известно использование вставных месяцев. Их вставка могла производиться как на стыке основных сезонов года (зима – лето), или была приурочена и к зимнему солнцестоянию [3, с. 113–118]. Семантика вставного месяца в календарных мифах некоторых народов Урала, Сибири и Дальнего Востока, сводилась в первую очередь к его «безродности», рождению «из тьмы», он как бы противопоставлялся «законному» календарному циклу в 12 месяцев. В этом смысле они имели сходжение с ведийской календарной практикой, в которой добавочный 13 месяц считался рожденным в «придачу». В гимне Варуне (Ригведа 1.25.8) «знает тот, чей завет крепок, двенадцать месяцев с потомством, он знает того, кто рождается в придачу». Соотнесение Варуны с низом (тьма), водой и западом дает основание говорить о типологической близости, возводящей происхождение вставного месяца из ниоткуда («тьма = утроба = воды», с семантикой неравенства, ущербности) [3, с. 118]. Вставным месяцем в некоторых древних календарях западных славян, был «малый февраль», также имеющий семантику неполноценного («рожденный в углу») [4, с. 183]. В то же время, например, в авестийских календарях выделяли особо «благуя пятерку» добавочных дней [1, с. 332].

В биографии Спасителя, можно увидеть отражение еще одного евразийского мифа. Это непорочное зачатие (или же поздний сын бездетной пары, обычно рожденный в отсутствие престарелого отца), будущего спасителя или героя, встречается в разных вариантах так же у народов Урала и Сибири. Основные функции наиболее древних образов этого круга из Западной Евразии (Геракл, Кэрсаспа, Мгер и др), – установление справедливого мироустройства, под которым понималось, в первую очередь, создание наиболее благоприятных экологических условий для ведения производящего хозяйства (что вполне отвечает задаче «спасения» социума). Именно на это направлены их подвиги, которые они творят, начиная с детского возраста. В силу отцовского проклятия, они, будучи обреченными на изоляцию и бессмертие, ждут конца света, в изоляции (в камне, на небе и др.).

В контексте сказанного заслуживают внимания этиологические мифы некоторых народов Сибири, в основе которых лежат сюжеты, в которых рожденный в отсутствие отца сын, спасает своего, пропавшего без вести отца (или отца вместе с братьями), приведем лишь некоторые. У северных коми, есть сюжет, в котором охотники, – отец и его одиннадцать сыновей («месяцы», 1+11=12) уходят на промысел, рыбалку и охоту. Половину из них заглатывает васа ыджид глот 'большой водяной', других яй сёян он 'медведь – людоед' [5, с. 115]. Спасает их самый младший (тайный, спрятанный) сын, появившийся на свет в отсутствие отца и братьев, и воспитанный матерью. После совершения подвига (убийство обоих чудовищ и завершение календарного цикла), следует женитьба с местной красавицей, рожающей ему двенадцать сыновей, или же он воскрешает своих братьев и отца, вскрыв брюхо медведей людоедов [6, с. 17, 18] и, таким образом, календарный цикл повторяется. У коми – зырян в эпической песне Шом-вуква отец и одиннадцать сыновей погибают в пасти чудовищ в облике медведя. Спасается самый маленький, который вступает с ними в поединок, и побеждает, вызволяя отца и братьев [7, с. 32]. Сопряжение образа медведя со всепоглощающим временем, делает

понятным соотношением медвежьего праздника с метаморфозами Солнца [8, с. 15–22], а медведя знаковым символом в календарных мифах народов Урала и Сибири. Образ тайного «спрятанного» сына верховного бога (Урт-Отыр, сын Торума) есть в нарративе обских угров. Этот образ, кроме многих подвигов, приписываемых ему, имел еще отношение и к медвежьему празднику, куда он приходил со своим «зверем» (ур вой ‘богатыря зверь’), – шкурой красной лисы. Отличаясь завидным женолюбием, становился основателем новых родов и поселений [9, с. 553]. Сравним это с концом сказки коми о младшем сыне, женившемся на местной красавице, родивший ему 12 детей. В этимологическом мифе бурят – хоринцев, Хоридой похищает одеяние одной из девиц лебедей, которая, став его женой рождает 11 детей [3, с. 116–118]. Можно полагать, что мифический «первопредок» мог быть сравним с последним “старым” месяцем года, дающим начало 11 новым. В итоге, имеем сосуществование моделей 12 и 13 месячного годового цикла, состоящим из Хоридоя, его детей (11) и «жены (лебедь)» инкорпорированной в календарный ряд. Кроме того, 11 – это число дней, дополняющих лунный год, исчисляемый по синодическим лунным месяцам ($12 \times 29,5 = 354 + 11 = 365$). В якутских мифах Элей (Эр – соготор, ‘беглец – беженец’, человек без роду и племени, появляющийся неизвестно откуда), – являющийся, кроме прочего, и культурным героем, был отцом 8 сыновей и 4 дочерей [3, с. 117–118], в итоге это составляет $1 + 12 = 13$, то есть опять имеем календарно-числовую символику 13 месячного года.

Сравнение характерных черт эпических героев (будущих спасителей социума) в различных традициях, выявляет ряд локальных особенностей. У тюркоязычных народов Сибири и бурят [10, с. 13–23, 495, 769], черты сходства героев с западноевразийскими, касаются, в первую очередь, особенностей рождения, состояния души (одиночество) или тела (неуязвимость), и подвигов, совершаемых в детстве. Мотив бесплодности и бессмертия главного героя, и его заточения в конце жизни, который собственно и завершает логику эпоса (в западноевразийских образцах), в них практически отсутствует. В текстах похожего содержания, которые можно отнести к жанру героического у других народов Сибири (обские угры, селькупы, тунгусы), выявляются множество параллелей с западными источниками, в том числе и главная, – изоляция героя в конце жизни (уход в камень, на дно озера, небо, дерево и т.д.), – вплоть до наступления конца света.

Деяния же Спасителя при жизни направлены в первую очередь на совершенствование человека (исцеление больных, изгнание злых духов, воскрешение мертвых и др.), тогда как и в предшествующих традициях, так и более поздних, герои заняты преимущественно преобразованием природы (истребление реальных или мифических существ, наносящих вред социуму (в аспекте производящего хозяйства). Отражение этого именно в календарном мифе и соотношении тайного сына со вставным месяцем, гармонизирующим отсчет и учет времени, и, таким образом, предотвращая вселенский хаос, – становится понятным, поскольку календарь, прежде всего, явление социальное [11, с. 114, 115].

Библиографический список:

1. Бикерман Э. Хронология Древнего мира. М. : Наука, 1976. 334 с.
2. Старцев П. А. О китайском календаре // Историко-астрономические исследования. 1975. Вып. 12. С. 253–335.
3. Вртанесян Г. С. «Спрятанное время» в календарях народов Урала и Сибири // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 1. С. 112–123.
4. Журавлев А. Ф. Диалектный словарь и культурные реконструкции // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. Люблина. М. : Индрик. 2003. С. 177–189.
5. Конаков Н. Д. Промысловый календарь в мировоззрении древних коми // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск : Наука. 1990. С. 103–121.
6. Микушев А. К. Эпические формы коми фольклора. Л. : Наука. 1973. 254 с.
7. Грибова Л. С. Пермский звериный стиль. М. : Наука. 1975. 148 с.
8. Вртанесян Г. С., Озолина Л. В. Медвежий праздник ороков-уйльта. Общее и особенное // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 15–22.
9. Головнев А. В. Говорящие культуры. Екатеринбург : УрО РАН. 1995. 606 с.
10. Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Новосибирск : Изд-во СО РАН. 2005. 1383 с.
11. Сорокин П. А., Мертон Р. К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 112–119.